

ОТЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
Глава первая. GOLD MOUNTAIN ENTERTAINMENT	24
Глава вторая. ОСНОВЫ ПАНК-РОКА	34
Глава третья. SUB POP	57
Глава четвертая. NEVERMIND	70
Глава пятая. ОТОЙДИ С ДОРОГИ И ПРИГНИСЬ	97
Глава шестая. КОРТНИ ЛАВ	120
Глава седьмая. INTERNATIONALE	134
Глава восьмая. ГЕРОИН	148
Глава девятая. БУДЬ ОСТОРОЖНЕЕ В ЖЕЛАНИЯХ	164
Глава десятая. «ЯРМАРКА ТЩЕСЛАВИЯ»	184
Глава одиннадцатая. ГРАЖДАНИН КУРТ	209
Глава двенадцатая. INCESTICIDE	226
Глава тринадцатая. IN UTERO	241
Глава четырнадцатая. КУРТ И МАШИНА	271
Глава пятнадцатая. UNPLUGGED	280
Глава шестнадцатая. ПАДЕНИЕ.	289
Глава семнадцатая. ПОСЛЕ СМЕРТИ	306
ПРИМЕЧАНИЕ ОБ ИСТОЧНИКАХ	316
БЛАГОДАРНОСТИ	318

Посвящается
Моему брату Питеру, сестре Рейчел
и нашим родителям Виктору и Мими Голдберг,
которые любили книги, пластинки и своих детей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одним осенним днем 2011 года, во время краткого расцвета движения «Захвати Уолл-стрит», я побывал в самом его эпицентре, Зукотти-Парке. Когда я уже уходил, невысокий татуированный подросток с пирсингом в брови робко спросил, можно ли со мной сфотографироваться. Тогда лагерь часто посещали знаменитости, и я ответил, что он, должно быть, с кем-то меня перепутал, но парень покачал головой и ответил:

— Я знаю, кто вы. Вы работали с Куртом Кобейном.

Я невольно задумался: был ли он на свете, когда Курт покончил с собой семнадцать лет назад? Да и что такого долговечного в музыке Курта, что она зацепила его? У всех нас, кто работал с ним, были похожие встречи с фанатами. Кажется даже, будто, общаясь с кем-то, кто знал Курта, они чувствовали себя не такими одинокими.

Впрочем, не все его наследие настолько нежное. Его смерть, как и жизнь, полна противоречий. Начиная писать эту книгу, я ввел *Kurt Cobain* в поиск *Amazon*. Кроме плакатов, медиаторов, книг, пластинок, видео и футболок, обнаружились «темные очки *Nirvana* с овальными линзами, вдохновленные Куртом Кобейном», флисовые покрывала, зажигалка и стальная таблетница с Куртом Кобейном, факсимиле водительских прав Курта из штата Вашингтон и даже игровая кукла *Funko* «Курт Кобейн с акустической гитарой». Впрочем, больше всего мне понравилась наклейка на бампер с надписью: «Я не раз-

говариваю с собой, я говорю с Куртом Кобейном». Если бы на наклейке говорилось, что это он говорит со мной, я бы точно такую купил.

Начиная этот проект, я помнил, что Курт очень внимательно следил за прессой. Он жаловался на рок-репортеров, которые хотели составить его психоаналитический портрет, и обижался, когда его песни описывали просто как переработанные рассказы о его личной жизни, но, тем не менее, он дал сотни интервью, чтобы придать как можно больше нюансов имиджу, который хотел воплотить.

Его артистическое наследие и трагическое самоубийство создали персонажа, который работает подобно тесту Роршаха. Многие из тех, кто знал Курта, подчеркивают те аспекты его жизни, которые подтверждают их представле-

Я работал его менеджером и обязан ему большей частью карьеры, но также я был его другом. Сидя в кабинете, я часто смотрю на нашу фотографию в рамке, где его глаза блестят, — это самая суть того, что я помню о нем.

ние о том, кто он такой. Я не исключение. Я работал его менеджером и обязан ему большей частью карьеры, но также я был его другом. Сидя в кабинете, я часто смотрю на нашу фотографию в рамке, где его глаза блестят, — это самая суть того, что я помню о нем.

Память — это в самом деле та еще проблема. Я забыл много подробностей. Как раз когда я соби-

рался связаться с Кортни Лав, чтобы она помогла мне кое-что вспомнить, она сама обратилась ко мне с точно такой же просьбой — о помощи для своих мемуаров. Двадцать пять лет — это много. Никто из нас не молодеет. Для меня лично одна из самых больших сложностей — то, что иногда очень трудно сказать, где заканчивается публичная история и начинаются личные воспоминания. Хорошо, что множество фактов из жизни Курта задокументированы в книгах, фильмах, клипах на YouTube, бокс-сетах, статьях, а в Интернете, которого при жизни Курта практически не

существовало, есть сайты с сет-листами практически всех концертов, когда-либо сыгранных Nirvana, во многих случаях — даже с расшифровками разговоров группы между песнями.

Также я смог восстановить некоторые события по своим записям, и огромную помощь мне оказали люди, с которыми я общался, когда работал с Куртом. Обнаружилось, что у многих старых знакомых тоже большие пробелы в памяти, но при этом есть и несколько очень живых, накрепко засевших воспоминаний, которые они хранят годами как отражение жизни Курта и своей собственной. Отдельные периоды моей памяти тоже напоминают расплывчатую импрессионистскую кашу, но некоторые моменты я помню практически с кинематографической четкостью. Впрочем, даже эти истории стали полумифическими после многих лет пересказов, и я обнаружил немало случаев, когда тщательно лелеемый рассказ одного человека противоречил тому, что помнил я или кто-то другой.

Кроме воздействия, оказанного на миллионы фанатов, Курт за отпущенный ему короткий срок глубоко затронул жизни сотен людей, с которыми общался лично. Даже спустя четверть века еще не прошли горькие чувства, которые испытывают его знакомые, знавшие его на ранней части карьеры, к людям вроде меня, которые работали с ним позже; не меньше враждуют и те, кто не любят Кортни, с людьми, которые к ней относятся хорошо (к коим я также себя отношу). Большинство знакомых времен моей работы с Куртом и Nirvana согласились поделиться своими воспоминаниями, но некоторые отказались, потому что даже несмотря на пройденные годы, чувства, связанные с его жизнью и смертью, до сих пор остаются очень острыми.

Я понимаю тех, кто решил промолчать. В первые двадцать лет после самоубийства Курта я избегал книг и филь-

мов о нем. Но недавно прочитал и просмотрел запоем все, что нашел. Некоторые рассказы сосредоточены на разводе его родителей и последовавшем за этим несчастном детстве, а также на его упорной борьбе за признание как музыканта на американском Северо-Западе в конце восьмидесятых. Курт действительно временами рассказывал мне о своих чувствах по поводу того, что родители его бросили,

Проходя горько-сладкий процесс вспоминания его жизни и творчества, я пришел к мысли, что самоубийство Курта — это не моральный проступок, а результат душевной болезни, которую ни он, ни все, кто его окружал, не смогли излечить.

и об одиночестве в детстве, но мне нечего добавить к этим общеизвестным данным о его ранней жизни, да я и не обращался к людям, с которыми не был знаком по работе с Куртом. Мы вошли в жизни друг друга лишь незадолго до того, как Nirvana начала работу над *Nevermind*, альбомом, который после выхода в 1991 году превратил их в международный феномен.

Эта книга — субъективное описание времени, когда я был рядом с ним, последних трех с половиной лет его жизни, когда Курт Кобейн сделал большинство из того, за что его до сих пор помнят. Я считаю его артистическое наследие не просто коллекцией величайших хитов Nirvana, но чем-то много большим и совершенно уверен, что его место — на самом верху рок-н-рольной иерархии. А еще он был щедр к другим музыкантам и внимательно относился к своей роли публичного человека. На личном уровне он был добр ко мне — и в осязаемом смысле, и в том, который невозможно описать.

Многие близкие Курта до сих пор не могут простить ему самоубийства. Я уважаю их чувства, но сам смотрю на это иначе. Я скучаю по нему и всегда буду думать, могли я сделать что-то, чтобы предотвратить его безвременную смерть. Тем не менее, насколько я понимаю, ни ме-

дицина, ни духовные традиции, ни великие философы до сих не могут дать ясного ответа на вопрос, почему одни люди убивают себя, а другие — нет. Вспоминая, сквозь печаль и радость, о его жизни и творчестве, я пришел к мысли, что самоубийство Курта — это не моральный проступок, а результат душевной болезни, которую ни он, ни все, кто его окружал, не смогли излечить. (Я говорю здесь о «болезни» не в том смысле, в котором говорил бы о ней врач, а как о силе, которая, по моему мнению, не могла контролироваться никем.)

Я не играл вместе с Куртом, не разделял его глубокого интереса и связи с панк-роковой культурой и не принимал с ним наркотики. Однако я работал на него в главном творческом проекте его жизни — собрании произведений, которое нашло новое место рок-н-роллу в глобальной популярной культуре, а для многих его фанатов еще и дало новое определение мужественности.

Несмотря на некоторые «темные места» в его карьере и ужасные реалии смерти, мой взгляд на Курта — в основном романтический, — сосредоточен на творческой стороне его личности. Однажды это стремление думать только о позитивном наследии сильно задело его горевавших друзей. Я произнес прощальную речь на частных похоронах, которые устроила Кортни после того, как нашли его тело. В книге *Nirvana: A Biography* британский рок-журналист Эверетт Тру так описал свою реакцию на это: «Дэнни Голдберг на похоронах Курта произнес речь, благодаря которой я понял, почему же певец в конце концов сдался. Эта речь никак не опиралась на реальность,

В ней Курта называли «ангелом, который спустился на землю в человеческом обличье, слишком хорошим для этой жизни, и именно поэтому он пробыл здесь так недолго». Какая же херня! Курт был таким же вспыльчивым, капризным, агрессивным, беспокойным, веселым и унылым, как и все мы.

не описывала никого из известных мне людей. В ней Курта назвали «ангелом, который спустился на землю в человеческом обличье, слишком хорошим для этой жизни, и именно поэтому он пробыл здесь так недолго». Какая же херня! Курт был таким же вспыльчивым, капризным, агрессивным, беспокойным, веселым и унылым, как и все мы».

Вскоре после того, как его книга увидела свет, мы с Эвереттом встретились на музыкальной конференции в Австралии, пообщались и обнаружили, что у нас больше

Поскольку Курт оказался той редкой рок-звездой, которую интересовал не только секс или развлечения, многие журналисты и фанаты называли его «савантом».

общего в чувствах, которые мы испытывали к Курту, чем следовало ожидать. Тем не менее я знаю, что у нескольких человек была такая же негативная реакция на мою надгробную речь, как и у него.

Как мне кажется, все эти точки зрения содержат лишь часть правды. Личность Курта была

расщеплена. Он страдал от депрессий, был наркоманом, но при этом был творческим гением. Он мог быть едко-саркастичным или отчаявшимся, и вместе с тем был глубоко романтичным и уверенным в качестве своих произведений. Курт был разгильдяем, у него сохранилось дурацкое чувство юмора, он ел тот же фастфуд, что и в детстве, и любил днем ходить в пижаме — тем не менее за его имиджем бездельника скрывался весьма утонченный интеллект.

Марк Кейтс, один из руководителей Geffen Records, компании, которая поддерживала наиболее близкие отношения с Куртом, выразил мнение многих, когда сказал мне, задыхаясь от эмоций:

— Вот две вещи, которые очень многие не помнят о Курте. Во-первых, он был очень веселым. Во-вторых, он был невероятно умен.

Курт презирал тех, кто не уважал его, и бывал весьма ворчлив и неприятен, когда страдал от боли, но по большей части он излучал вежливость, редкую для гениев или звезд. Он был, если можно так сказать, хорошим парнем почти всегда.

Наша с Куртом фотография, которую я все рассматриваю, была сделана 6 марта 1992 года в лос-анджелесском «Пэлэсе», на концерте двух его любимых групп, Mudhoney и Eugenius. Незадолго до этого, в сентябре, вышел прорывной альбом Nirvana *Nevermind*, и в следующие пять с половиной месяцев группа пережила один из самых стремительных взрывов популярности за всю историю музыки. Она дала миру уникальное сочетание панк-роковой энергии и идеалов антиистеблишмента Sex Pistols с поп-мелодиями — и именно в тот момент, когда рок-аудитория наждалась в этом. Курт часто прибегал к самоуничижению в интервью, сравнивая «попсовую» сторону своих песен с Bay City Rollers, The Knack или Cheap Trick, но я считаю, что он всегда подражал The Beatles.

В первые недели после того, как первый сингл с альбома, *Smells Like Teen Spirit*, попал в радиоэфир, произошел внезапный сюрреалистический переход от скромных панк-роковых корней группы к новой реальности. Они путешествовали в самолетах, а не в микроавтобусах, спали в гостиницах, а не на диванах у друзей. Незнакомые люди теперь видели в них знаменитостей, а не бродяг.

Двадцать лет тому назад Брюс Спрингстин очень быстро стал знаменит, когда благодаря *Born to Run* попал на обложки *Time* и *Newsweek*, но даже Боссу (прозвище Спрингстина. — Прим. ред.) пришлось подождать еще несколько лет до появления большого поп-хита и первого места в хит-параде (с альбомом *The River*). Nirvana же одновременно добилась и признания у критиков, и успеха — этот феномен был удивителен еще и потому, что группа появилась из замкнутого на себе мира панк-рока,

к которому до этого момента американские поклонники рок-музыки относились с безразличием.

У музыкантов больше личной культурной власти, чем у любых других артистов. Актеры, за очень редким исключением, зависимы от чужих сценариев. Даже самые крутые кинозвезды, романисты и художники не могут ежевечерне встречаться с тысячами восхищенных фанатов или точно так же каждый день «влезать» им в голову, как хитовая песня. Вот почему термин «рок-звезда» так силен. Поскольку Курт оказался той редкой рок-звездой, которую интересовал не только секс или развлечения, многие журналисты и фанаты называли его «савантом». Та еще хрень, конечно, но и компенсация определенная была. Курт гордился тем, что группе удалось достичь таких высот, и испытывал немалое облегчение от того, что впервые в жизни наконец заработал столько денег, чтобы жить комфортно.

Тем вечером, когда была сделана эта фотография, Курт наслаждался возможностью снова стать обычным фанатом. Mudhoney была одной из его любимых сиэтлских групп, и он дружил с ее вокалистом Марком Армом. Хорошо знаком он был и с Юджином Келли из Eugenius (первоначально группа называлась Captain America, но Marvel заставили их отказаться от этого имени). Келли написал песню Molly's Lips для своей предыдущей группы, The Vaselines; Nirvana выпустила кавер на нее на одном из своих первых синглов. Еще год назад Курт смотрел на Арма и Келли снизу вверх, а теперь он словно превратился в их более успешного младшего брата, который великодушно их подбадривал.

Несмотря на то что по MTV клипы Nirvana крутили по несколько раз в день, зрители не лезли к Курту. Может быть, потому, что благодаря своему росту (метр семьдесят три) и сколиозу, из-за которого он слегка сутулился, Курт легко сливался с толпой, а может, потому, что одевался точ-

но так же, как и во времена, когда денег у него вообще не было — в рваные джинсы и кроссовки Converse, или потому, что его не сопровождала никакая свита или охранники. Хотя я лично подозреваю, что многие фанаты тем вечером узнали Курта, но понимали, что его лучше оставить в покое, не мешая наслаждаться музыкой.

Курт недавно прошел курс реабилитации и, насколько я мог судить, был чист. Его глаза были ясными — исчез тот печальный мутный героиновый взгляд, который я впервые увидел, когда Nirvana за несколько месяцев до этого выступала на *Saturday Night Live*. На реабилитацию записались и Курт, и Кортни, и она, кажется, им помогла. Я готов поклясться, что в тот момент он был по-настоящему счастлив.

Во время перерыва мы стояли в пустом углу балкона, куда пускали только по пропускам. Курт увидел фотографа, положил руку мне на плечо и с теплой улыбкой сказал: «Давай сфотографируемся», — словно знал, что я захочу позже вспомнить этот момент.

Кортни была беременна, и они недавно переехали в новую квартиру на Альта-Лома-Террейс в Голливуд-Хиллс. В последнюю минуту Курт решил устроить на новом месте вечеринку после концерта. Он тогда раздумывал, не стать ли взрослым, и на тот момент идея ему, похоже, нравилась. Квартиру оказалось найти довольно трудно. Ее едва было видно с дороги, она располагалась в каком-то странном строении, до которого можно было добраться только по канатной дороге. GPS в те времена почти ни у кого не было, а Курт толком не объяснил, как доехать, так что народу собралось очень мало, но атмосфера все

Он был одним из очень немногих артистов в истории рок-н-ролла, кто мог общаться сразу на нескольких культурных языках — энергии хард-рока, искренности панк-рока, заразной привязчивости хитовых песен и вдохновляющей привлекательности социального сознания.

равно была отличная. Я испытал большое облегчение, видя, как Курт и Кортни наконец-то радуются жизни. Этот оазис спокойствия, впрочем, продлился недолго. На следующей неделе Кортни начала давать серию интервью Линн Хиршберг для статьи в *Vanity Fair*; эта статья, вышедшая через несколько месяцев, принесла паре немало мучений, а «волны» от нее потом шли еще не один год.

Когда я познакомился с Куртом Кобейном, мне было сорок, а ему двадцать три. Останься он в живых, мы бы сейчас оба считались мужчинами среднего возраста, но тогда я был стар, а он молод. Курт все еще был на той стадии рокерской карьеры, когда большинство песен — о том, что ты чувствовал в подростковом периоде. Я же был уставшим от жизни ветераном, двадцать лет отработавшим в рок-н-рольном бизнесе. У меня были ребенок, ипотека и работа в корпорации. За год до этого моя карьера пережила пик, когда меня на церемонии «Грэмми» поблагодарила Бонни Рэйтт, получившая приз «Альбом года». Характер Курта был выкован в антиистеблишментном мире панк-рока американского Северо-Запада, культуре, которая презирала общепринятые ритуалы шоу-бизнеса вроде вручения наград.

А еще у Курта было отличное понимание того, как синтезировать все аспекты рок-н-ролла. Он писал в Nirvana и тексты, и музыку. Он был и вокалистом, и ведущим гитаристом. (В большинстве рок-групп эти должности делят два человека или даже больше — например, Джаггер и Ричардс в Rolling Stones или Плант и Пейдж в Led Zeppelin. Кроме него, единственным музыкантом, который совмещал и то и другое в группе суперзвездного статуса, был Джими Хендрикс.) Курт контролировал все детали продакшена записей Nirvana. Он лично занимался дизайном обложек альбомов и даже многих футболок и придумывал идеи для клипов.

Nevermind разошелся тиражом более пятнадцати миллионов, но таинственный ореол вокруг Курта был создан

не одним только коммерческим успехом и не списком его музыкальных навыков. Отличный гитарист, но до Хендрикса далеко. Его голос не испорчен искусственностью или комплексами, передает и уязвимость, и силу, но в роке и без него много замечательных певцов. Притягательный живой исполнитель, но другие были театральнее. Один из немногих композиторов-песенников, кому удавалось совместить структуру поп-песни с хард-роком, но Rolling Stones тоже такое периодически удавалось. Намного более хороший поэт, чем сам он считал, но не уровня Боба Дилана или Леонарда Коэна. Моралист, но не воинствующий.

Курт восхищался The Beatles, в том числе и теми холистическими отношениями, которые группа, особенно Джон Леннон, поддерживала с массовой аудиторией. Как мне казалось, Курт считал всю свою публичную жизнь искусством — каждый концерт, каждое интервью, каждую фотографию. Несмотря на все свои опасения по поводу славы, он очень эффективно ею пользовался. Он был одним из очень немногих артистов в истории рок-н-ролла, кто мог общаться сразу на нескольких культурных языках — энергии хард-рока, искренности панк-рока, заразной привязчивости хитовых песен и вдохновляющей привлекательности социального сознания. Кроме того, в начале девяностых Курт нес, по выражению Аллена Гинсберга — который сказал так много лет назад о Бобе Дилане, — «богемный факел просвещения и самоутверждения».

Но туманный взор, который я вижу во многих глазах — например, в глазах того парня на «Захвати Уолл-стрит», — основан на чем-то другом, на уникальной

В этом мире он знал, что он исключительный. К тому времени, как я познакомился с Куртом, он излучал тихую уверенность в качестве своей работы, которую поддерживали все вокруг — в том числе и другие артисты.
